Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://nekrasovvictor.ru/ Приятного чтения!

Чао, Джульянчик! Виктор Платонович Некрасов

Мог ли я себе представить, что окажусь в этом самом ресторане со странным названием «Берсальера», что передо мной будет стоять тарелка настоящих итальянских спагетти, залитых томатным соусом, и стакан красного кьянти, а – где-то по ту сторону залива на вечернем небе, четкий и ясный, будет вырисовываться силуэт вулкана, имя которому Везувий? Могли я это себе представить?..

– О! – говорил Джульянчик, неумело сворачивая в обрывок газеты рассыпавшуюся по коленям махорку. – Наполи – самый красивый город… Самый, самый… Самый веселый, самый шумный, самый цветной и… самый брудо, как это, грязный. Честное слово…

– Ну уж, Джульянчик, – перебивал я его, – так-то уж самый красивый. Не хвастайся.

– А я не хвастайся… Твой Киев тоже красивый город, я знаю, я был, но Наполи пью белла, еще красивее, честный слово. Море, море… Какое море! Приедешь – увидишь.

– Куда приедешь, Джульянчик? Побойся бога…

– Как – куда? В гости. Кончится война, будем в гости ездить. Не веришь?

– Ну, ладно, приеду. А как тебя найти?

– Меня? – Тут он весело начинал смеяться, и черные, лукавые его глазки превращались в щелочки. – Каждый кошка, каждый собака в Наполи знает Джулиано Кроччи. Приедешь вокзал, спроси: где Джулиано Кроччи? Иди ресторан «Берсальера». А я как закричу: «Синьор напитано, синьор капитано, покупай мои «фрутти ди маро»! – Он опять смеялся и даже хлопал меня по спине. – И я скажу Марио: «Марио, посиди тут, мы с синьор капитано пойдем вино пить». И пойдем к Джузеппе: у него вино, о, какое вино! А ты смеешься и из кармана бутылку: «Не надо вино, будем русский водка пить!» А? Русский водка, прямо в стакан! Чин-чин! Чао! Привет!

Так говорил веселый, милый мой Джульянчик.

…И вот я сижу в этом самом ресторане «Берсальера», и ем спагетти, наматывая их по всем правилам – на вилку, и пью терпкое кьянти, и курю сигареты «Навдюнали», а Джульянчика со мной нет. Он обманул меня. У входа в ресторан сидело человек десять торговцев «фрутти ди маро» (фрукты моря – всякие там диковинные рыбы, морские звезды), но никто из них никогда не слыхал о Джулиано Кроччи. Смеются – столько лет прошло, разве найдешь, всех война разбросала…

А у меня в номере бутылка водки стоит, специально привез…

Познакомились мы с Джулиано в апреле 1944 года. Было это под Одессой – то ли в Эльзасе, то ли в Ландау, то ли в Мангейме – не помню. Все эти бывшие немецкие колонии похожи одна на другую как две капли воды: широкая улица, дома под черепицей и в торце улицы обязательная островерхая кирха.

Немцы так быстро отступали, что мы никак не могли их догнать. Эльзасы и Мангеймы были пусты, ни души, всех угнали, только штабные документы, точно голуби, летали по улицам.

И вот в одном из таких Мангеймов нас встретил веселый улыбающийся парень.

– Макаронник, – скептически доложил старший сержант Петроченко, подводя парня ко мне. – Оружие отдал. Гитлер, говорит, и Муссолини – капут!

– Капут, капут! – Парень блеснул глазами и провел смуглой ладонью по горлу. – Тедески… Немси топ-топ-топ – Берлин. – Он прижал локти к бокам и затопал на одном месте, будто бежит. – Рус – гоп-гоп-гоп Берлин! – Он сделал движение коленом, как будто кого-то выпихивает под зад, – Гитлер капут! Муссолини капут!

Вива паче! Мир!

Он взял под козырек и сделал совершенно серьезное лицо. Солдаты так и заржали.

— Ай да макаронник! А ну, еще!

Парень улыбнулся совершенно ослепительной обезоруживающей улыбкой и дружелюбно и весело оглядел окруживших его солдат. Рядом с ним стоял единственный у нас в батальоне Герой Советского Союза Сергей Мозжухин. Парень внимательно посмотрел на висевшую у него на груди звездочку, потом наклонился и, взяв пальцами, стал разглядывать орден.

— Ленин?

— Ленин, — скосив глаза, ответил Мозжухин и туг же спохватился: — А ты не лапай!

— Ленин — бона.

— «Бона» — это по-ихнему «хорошо», — сказал кто-то из сзади стоявших.

— Карашо, карашо, — заулыбался парень — И мир карашо. И папироса тоже карашо.

Три или четыре руки протянулись с кисетами.

— Кури, черт с тобой!

Парень протянул согнутую ладонь, сказал спасибо, как-то очень странно произнося букву «о» вроде «у», и улыбнулся.

Какая у него была улыбка! Я еще никогда не видал такой улыбки. Да, по правде сказать, и такого красивого парня, пожалуй, тоже не видал. Он был поразительно живописен. Есть люди, на которых что ни надень — все на них хорошо. Этот парень был именно таким. На нем была какая-то истрепанная, грязная куртка, рваные штаны и претенциозная, нелепая для современного глаза шляпа с петушиными перьями — и все-таки это было красиво! Он был строен, легок, изящен в движениях, черноволос, буйно кудряв, а зубов, по-моему, у него было даже больше, чем положено. Одним словом, у него на родине девушки, вероятно, сходили по нему с ума.

Итальянцев из нас вообще никто никогда в глаза не видел. Было чем развлечься. Его уже кормили. Он с аппетитом уничтожал кашу с консервным мясом и заедал громадным, размером с котелок, ломтем хлеба.

Потом его уложили спать на солому вместе с первой ротой — Петроченко считал его своим, — а я послал донесение в штадив, что нам сдался в плен рядовой 113-го пехотного полка дивизии «Литторио», итальянец Джулиано Сальваторе Кроччи, и тоже лег спать.

В штадиве не заинтересовались им. Даже переводчика не прислали. Должно быть, не верили, что итальянец может что-нибудь интересное рассказать. Притом же дивизия и без показаний пленных быстро продвигалась вперед. А вернее всего, пленным не заинтересовались потому, что наш дивизионный переводчик не только итальянского, но, по-моему, и немецкого языка толком не знал. Так или иначе, но Джулиано остался при батальоне.

А немцы продолжали бежать. Мы за ними. Целый день идем от села к селу, от кирхи к кирхе, через кукурузу, через какие-то речки, лиманы. И Джулиано с нами. Он месил своими тонкими сапожками на картонной подошве густую липкую грязь и не унывал. На привалах вытащит губную гармошку и играет на ней что-то не то веселое, не то заунывное, на этом инструменте и не поймешь. Или обматывает проволокой свои сапоги. Я хотел ему выдать новые, но, как всегда бывает на марше, мы сильно вырвались вперед и не имели ни малейшего представления о том, где находятся наши тылы. Так и пришлось ему в своих «эрзацах» шлепать. Зато со своим головным убором он расстался без всяких душевных переживаний — просто взял и выкинул и даже не обернулся. Дали ему старую пилотку, и, когда он ее надел, всем нам показалось, что он так всю жизнь в ней и ходил.

На недолгих наших стоянках он помогал повару Кондрату Кривому, человеку, которому очень трудно было угодить. Но Джулиано угодил. Все, что он ни делал, он

делал быстро, весело и очень забавно. Воду носил не только в руках, но и на голове – прямая выгода: вместо двух ведер сразу три; когда рубил дрова, через каждые три удара подбрасывал топор, тот кувыркался в воздухе, падал на полено и раскалывал его, – тут особой выгоды не было, но зато было забавно. Кроме того, он умел ходить на руках и колесом, изображать ругающуюся торговку, кричащего младенца, мяукать по-кошачьи, лаять, хрюкать. Особенно нравился солдатам номер с поросенком. Он изображал пассажира, едущего в поезде с поросенком в мешке. Пассажир боялся контроля, заискивал перед соседями, баюкал своего поросенка, а тот в самый неподходящий момент начинал верещать. Солдаты буквально покатывались от хохота.

Но больше всего покорил Джулиано солдат своими песнями. Пел он легко, свободно, без всякого напряжения, как будто петь для него легче даже, чем говорить. Песни и мелодии у него были чужие, незнакомые, так же, как и язык, но это была музыка, песня, притом песня народная, – и этого было достаточно.

Кстати, сам Джулиано был совершенно потрясен пением наших солдат. Оказывается, – я этого никогда не знал, – в Италии, где поет каждый сапожник, каждый рыбак, совершенно не знают, что такое хоровое пение; церковь и опера не в счет. Джулиано никак не мог понять, как это можно петь всем вместе, да еще так, что каждый поет свое, а получается стройно. Потом он к этому привык и стал даже батальонным запевалой.

Дней через пять мы натолкнулись на немцев. Произошло это уже под самой Одессой. Шли себе, как всегда, по кукурузному полю, когда нас догнал офицер связи и передал мне приказание командира дивизии. Левее нас, километрах в восьми – лиман. Наши передовые части его форсировали, но встретили сопротивление немцев и закрепились на том берегу. Мне было приказано в течение ночи сделать в таком-то районе три пешеходных мостика.

Пешеходный мостик – дело несложное, но людей было маловато, а кончить мостик надо было никак не позже четырех утра: солнце вставало около шести, а до того, как немцы заметят наши мостики, надо было пропустить всю пехоту.

Как мы ни старались, раньше пяти закончить не удалось, хотя работали все без исключения – на хозяйстве остался один повар. Работал и Джулиано. Еще с вечера он подошел ко мне и, помахав воображаемым топором, ткнул себя в грудь коричневым пальцем.

– Сапор, сапор, синьоро капитано, – и вопросительно посмотрел на меня.

Я разрешил ему идти со всеми, и он побежал к Кондрату за топором, припрыгивая и распевая на ходу какую-то стремительную тарантеллу.

В начале пятого стали – стягиваться полки, а в пять, когда по мосткам пошли первые пехотинцы, в берег ударила – первая мина.

Этого следовало ожидать. – Немцы расположились на небольших высотках противоположного берега, и вся наша переправа была у них как на ладони. Все теперь зависело от меткости их огня. Вслед за первой ударила вторая, третья мина. Солдаты, прибавив шагу, почти бегом переправлялись по мостикам.

Немцы стреляли плохо, большая часть мин попадала в воду, но штук пять или шесть попало на берег, и там были уже раненые, то тут, то там мелькали носилки, а у входа на мостики начали образовываться пробки. В воздухе появился немецкий разведчик.

Это еще больше усложнило обстановку. Пробки увеличились.

В самый разгар переправы, когда половина полков была уже на той стороне, три мины, угодили одна за другой почти в самую середину левого мостика. Человек десять солдат попадали в воду, а сам мостик, разбитый надвое, скрипя и охая, стал расходиться по течению: пешеходные мостики держатся прямо на воде, без всяких подпорок и свай. Шедшие по нему солдаты бросились на берег.

Я искал глазами Петроченко – это был его мостик, – но в это время кто-то пробежал мимо меня, растолкал солдат, взбежал на мостик, добежал до края,

перескочил на противоположный, начавший уже отплывать по течению конец и бултыхнулся в воду. Все это произошло в две-три секунды. В следующее мгновение Петроченко с двумя саперами был уже на мосту.

Я не стану описывать всей операции по восстановлению моста. Скажу только, что бойцы вплавь подтянули оба конца моста и держали его в таком положении, пока он не был укреплен саперами. Все это время немцы не прекращали обстрела, но повредить мостики им больше не удалось. Все три полка переправились с относительно малыми потерями.

Среди бойцов, подтянувших и державших мостик, был и Джулиано. Это он тогда пролетел мимо меня и первый бросился в воду.

* * *

Все утро он принимал поздравления. Лопаясь от счастья и гордости, он пожимал всем руки и, сияя до ушей своим белозубым ртом, повторял первую выученную им русскую фразу:

— Служу Советскому Союзу!

Бойцы хлопали его по плечу так, что оно у него должно было вспухнуть, и говорили:

— Молодчина, Данька, так и надо. Искупай свою вину: небось по нашим-то, пук-пук, стрелял, значит.

Первое время Джулиано очень обижался, когда ему это говорили. Глаза его загорались, он начинал жестикулировать, изображал то копку земли, то еще какие-то действия, не имеющие отношения к стрельбе, одним словом, пытался доказать, что стрелком он не был. Потом он понял, что его дразнят. Сейчас же, упоенный своей славой, он просто не обращал внимания на эти поддразнивания.

А славу своим поступком он завоевал. Я не могу сказать, чтобы до этого к нему относились плохо, — наоборот, относились хорошо, очень даже хорошо, но все-таки считали немного чудаком и слегка жалели: пригнали вот вас, с вашими петушиными перьями, а Гитлер даже кормить по настоящему не кормит. «Несерьезный они какой-то народ, — сказал как-то наш батальонный философ фельдшер Нятко, когда Джулиано принес на голове ведро воды, — социализма с ними не построишь». А парень вон оказался какой! Первый в воду бросился и под огнем! Этого никто не ждал.

Кто-то из бойцов спросил его даже:

— А чего ты, Данька, в воду первый бросился? Тебе ж не обязательно.

Джулиано ничего не понял, но весело заулыбался:

— Первый, первый. Прима.

Вечером ко мне пришел Петроченко.

— Дайте мне его в роту, товарищ капитан.

— Кого?

— Да Даньку.

— Он же русского языка не знает.

— Выучу.

— На двухнедельных курсах, что ли?

— А вы не смейтесь, товарищ капитан. Способный, как дьявол. В месяц выучу…

Я махнул рукой:

— Ладно, пускай. А я с начштаба поговорю.

Но с начштаба поговорить так и не удалось: опять двинулись в путь. Это были уже последние километры на пути к Одессе.

Мы ворвались в город со стороны Дальника. Это было 11 апреля 1944 года. Немцев в городе уже не было. Они откатывались на юго-запад, к Каролино-Бугазу, к Царьградскому гирлу Днестра.

Перед нами было море. Черное море… Мы выкупались в нем, невзирая на апрель и холод, – всем батальоном выкупались. Это было нечто вроде ритуала. Пришли в Одессу и выкупались в Черном море – вот, мол, какие!

Бойцы быстро скидывали с себя пыльное, пропотевшее обмундирование и, по-зимнему еще беленькие, с разгона, неистово – галдя и брызгаясь, точно дети, врезались в море и сразу же, размахивая руками, выскакивали на берег. Вода была как лед, не то что проплыть, стоять в ней было немыслимо.

Джулиано, конечно, тоже принимал участие в ритуале. Из воды он выскочил дрожащий и, прыгая на одной ноге, стал натягивать на себя – свои жалкие панталоны и невероятной грязи куртку.

Я сказал Петроченко:

– Ты хоть одел бы его по-человечески, командир роты. А то неловко просто.

– Не беспокойтесь, товарищ капитан, – загадочно улыбнулся Петроченко. – Все учтено. Вещевого склада ждать – до конца войны не дождемся.

В тот же вечер Петроченко пришел ко мне и доложил:

– Привел к вам бойца Кудрявцева.

– Какого еще Кудрявцева?

– А вы разве не знаете?

– Первый раз слышу.

– Он там, за дверью стоит. Позвать?

– А что он сделал?

– А вы его сами спросите. – Петроченко еле заметно улыбнулся. – Так что, позвать?

– Ну, позови.

– Кудрявцев! – гаркнул Петроченко. – Заходи.

Дверь отворилась, и в комнату строевым шагом вошел Джулиано. Вошел, козырнул – уже не по-своему, как он это обычно делал, ладонью вперед, а по-нашему – и вытянул руки по швам.

– Бо-ец-Куд-ряв-цев-при-бил-по-ва-ше-му-при-ка-за-ние, – на одном дыхании, без каких-либо перерывов между словами выпалил он и уставился на меня своими черными, сейчас абсолютно серьезными глазами.

Одет он был с иголочки. На нем была новенькая офицерская гимнастерка с карманами, синие галифе, кирзовые сапоги, сияющий, с начищенной звездой ремень, и только не хватало погон да звездочки на пилотке.

– Ну как, хорош? – самодовольно улыбнулся Петроченко. – Боец что надо, Кудрявцев Даниил Силверстович.

– Кудрявцев – это за шевелюру?

– Ага! Даниил – ну это просто потому, что все Данькой зовут, а Сильверстович… Есть у него еще какое-то там имя. Как тебя дальше звать?

— Джулиано-Сальваторе.

— Вот, Сальваторе — Сильверст. Одно и то же. Одобряете, товарищ капитан?

Я посмотрел на Джулиано. Он стоял по-прежнему руки по швам и с тревогой и любопытством смотрел то на меня, то на Петроченко.

— Ну, Джулиано, — сказал я ему, — хочешь с нами? Против немца? Контра тедеска? Контра Гитлер? Контра Муссолини? За социализм? Хочешь?

— Хочешь! Хочешь! — не выдержав, крикнул он и тут же, испугавшись своего крика, замолчал.

— Достань-ка ему погоны и звездочку, — сказал я Петроченко, но он только улыбнулся.

— У меня уже все заготовлено.

Когда я вручал Джулиано звездочку, я заметил, что у него дрожат губы. Потом он неожиданно перегнулся через стол, порывисто обнял Петроченко и крепко поцеловал его не то в щеку, не то в шею. Тот даже растерялся: «А ну тебя, Данька, всю морду обмусолил!» Но был явно тронут.

В этот же вечер к двум наградным материалам, которые мы собирались посылать в штадив за операцию с мостиком, я прибавил еще и третий: на красноармейца Кудрявцева Даниила Сильверстовича.

А война тем временем шла, не очень активно на нашем участке, но шла. От Одессы мы дошли до Днестровского гирла, пытались с ходу его форсировать, но неудачно, строили какие-то пристани для десантов, но потом это отменили, и нас перебросили в село Роксоляны. Здесь мы простояли с недельку, ожидая дальнейших распоряжений. Поселились в маленьких чистеньких домиках и посматривали на противоположный берег, на белый Аккерман, где сидели еще немцы, лениво перебрасывая через реку редкие снаряды.

Пользуясь затишьем, мы наводили порядок в своем хозяйстве: мылись, латали обмундирование, чинили инструмент. Взялись вплотную и за Джулиано. У него появились учителя. Первой предложила свои услуги наша писарша Леля, но по тому, как она в присутствии Джулиано вся вдруг заливалась краской, я сразу понял, что из этих занятий вряд ли что путное получится, и кандидатуру ее отверг. Взял шефство над ним замполит Антонов, но времени у него всегда не хватало, и он удовольствовался тем, что обеспечил, можно сказать, идейное руководство. Занимался иногда Петроченко, но настоящим учителем, впоследствии ставшим и первым другом, был Вася Веточкин — батальонный комсорг. Где-то он достал русско-итальянский словарь, и в свободное время в сторонке они что-то писали, переписывали, листали словарь, о чем-то даже спорили.

Очень забавно было следить за ними, когда они сидели вместе. Веточкин был полной противоположностью Джулиано. Джулиано черен, смугл, кудряв, порывист и весел. Вася Веточкин — блондин, чуть ли не альбинос, с льняными бровями и ресницами, нежно-голубыми глазами и молочным цветом лица, переходившим на щеках и подбородке в прозрачно-розовый румянец. Он приходился Джулиано по ухо, но был шире его в плечах, и вообще с ним не рекомендовалось вступать в единоборство. По характеру своему это был тихий мечтатель, и при первом знакомстве производил впечатление человека, довольно туго соображающего. Но это было не так. У него был ясный, четкий ум и редкая нелюбовь к фразам. За это и за смелость бойцы его, очевидно, и полюбили.

И вот эти две противоположности сдружились, «скорешковались», как говорили у нас тогда. Началось с занятий, а потом и все пошло вместе: и сон, и еда, и табак.

Так шли дни, в общем, тихо и спокойно, если бы не случай, происшедший в Овидиополе, куда нас перебросили из Роксолян, случай, из-за которого чуть-чуть не пришлось нам расстаться с Джулиано.

Вообще я должен сказать, что на Джулиано жаловаться не приходилось. Не было той

вещи, которой он бы не мог сделать. Сколотить табуретку, исправить часы, сложить печь, почистить лошадей, сварить обед, починить сапоги, взобраться на телеграфный столб, исправить аккумулятор – что угодно. Причем все это весело и легко, так что, глядя на него, хотелось самому заняться именно этим делом, таким оно казалось увлекательным. Но вот когда оказывалось много свободного времени – дело было хуже. Его энергия и инициатива направлялись в другую сторону.

Горе в том, что он был не только красив – это было б еще полбеды, он был к тому же влюбчив. Вот и получилось так, что где Джулиано, там и девицы.

Что точно произошло между ним и Костопаловым, сержантом второй роты, мне так и не удалось установить. Из желания спасти Даньку все, в том числе и сам Костопалов, так запутали дело, что получилось в конце концов, будто он и совсем здесь не замешан.

Дело же было в следующем. Оба они – и Джулиано и Костопалов, – как выяснилось, ухаживали за одной и той же девушкой. Костопалов был первым избранником, но парень он был неказистый да к тому же рябой, и, когда появился Джулиано, девица, насколько я понял, потеряла к нему всякий интерес. Она-то потеряла, а он нет. Солдат он был неплохой, но с норовом, и взгляд у него был какой-то тяжелый – точно чувствуя это, он никогда не смотрел на собеседника, всегда куда-то вбок или в землю.

За день до этого случая и в самый его день, говорят, он был как-то особенно мрачен и почти ни с кем не разговаривал. Вот и все, что удалось установить. Все остальное – догадки.

Около часу ночи меня разбудил дежурный.

– Вставайте, товарищ капитан! ЧП! С Костопаловым несчастье.

Через минуту я был в штабе. Костопалов лежал на столе полураздетый, с крохотной аккуратной ранкой в боку. Вокруг него суетился наш фельдшер.

Петроченко был уже здесь. Почти сразу же вслед за мной пришел и Антонов. Толком объяснить никто ничего не мог. Дежурный, младший лейтенант Сережников, только руками разводил.

Сидел себе, газету читал, вдруг двери настежь, и вваливается Данька. И на плечах Костопалова несет, руки только болтаются. Как, что? Молчит.

Джулиано сидел в углу страшно бледный и изредка только поблескивал оттуда глазами. Я велел запереть его в чулан, а Костопалова отправить в санбат.

Положение было сложное. За такие поступки полагался трибунал. Предстояло долгое и кропотливое расследование, бесконечные расспросы, свидетели, а результат один: за убийство военнослужащего или за покушение на убийство – расстрел.

Утром я пошел к Джулиано. При моем появлении он встал. Он был страшно бледен.

– Зачем ты это сделал? – опросил я его.

Он уже довольно свободно понимал русский язык и с грехом пополам мог даже отвечать. Но сейчас он молчал. Смотрел в землю и молчал.

– Зачем ты это сделал, Джулиано? – опять спросил я.

– Я убиль его? – не подымая головы, глухо спросил он.

– Нет, – не убил. Костопалов останется жив. Но зачем ты это сделал?

Несколько минут он молчал, ковыряя носком сапога землю, потом поднял голову. По щекам его бежали одна за другой громадные прозрачные слезы, такие бывают только у детей.

– Я не могла иначе, синьор капитано… я знал… пусть меня убьют… я виновата… пусть убьют… я не могла иначе…

Больше он ничего не мог сказать. Он не рыдал, не всхлипывал, он повторял только «я не могла иначе… пусть меня убьют…», и из глаз его катились слезы, он их не вытирал, и они капали на гимнастерку, на землю…

Дело дальше нашего батальона не пошло. Костопалов через несколько дней вернулся из медсанбата и на все вопросы, которые ставили ему и я, и Антонов, и Петроченко, отвечал одно: «Кудрявцев здесь ни при чем. Я хотел сделать новую дырку в ремне, нож соскочил и попал в мясо. Вот и все. А Данька тут ни при чем».

Допрошенная девица, пока Костопалов был в санбате, от всего открещивалась, потом же, когда он вернулся, стала повторять его версию с ремнем и дыркой. Солдаты же все в один голос утверждали, что Костопалов действительно в этот самый день говорил, что он, мол, чего-то стал худеть и надо вот новую дырку сделать. Получалось так, что он чуть ли не каждому бойцу в батальоне об этом – сообщил.

Так или иначе, оттого ли, что врали солдаты или судьи были слишком снисходительны, а вернее всего, уж больно все полюбили Даньку Кудрявцева, но окончилось все тем, что случаю с ремнем и дыркой поверили. Джулиано отсидел что-то дней десять в карцере, а потом мы двинулись дальше, и потрясшее нас всех ЧП, как и все на свете, уплыло в прошлое. Никто не пожалел об этом.

Сейчас, когда я вспоминаю его, – а с тех пор прошло уже восемнадцать лет, – юн рисуется мне таким, каким я его помню в последние дни, – подтянутым, всегда веселым, в начищенных до сумасшедшего блеска хромовых сапожках (он носил с собой бархотку и поминутно вынимал и чистил ею сапоги) и лихо сдвинутой набекрень суконной пилотке.

Мы провоевали с Данькой вместе немногим больше трех месяцев. К концу своего пребывания в нашем батальоне он уже почти свободно говорил по-русски. Я любил с ним разговаривать. Он тоже был не прочь.

Биография его была совсем проста. Родился он в 1924 году в Неаполе. Отец – сицилиец, рыбак, мать – неаполитанка. Пока его не взяли в армию, он с отцом рыбачил. Мать и сестра торговали рыбой и всякими «фрутти ди маро» на набережной. Потом он женился. О, он очень рано женился, ему еще не было восемнадцати лет…

Тут вынимался пакетик фотографий и начиналась демонстрация Чезарины – его жены, отца, матери, сестры и шестимесячного черноглазого младенца, обладателя такого звучного и длинного составного имени, что вспоминалась вся история Италии.

– Хороший мальчик? А? Бамбино что надо! – Он весело смеялся, радуясь этому своему чисто русскому, как он считал, выражению. – Все говорят, что на меня похож. А? Вот посмотрите, я сейчас поверну голову. Похож? А Чезарина? Вы бы видали ее волосы. На фотографии не видно. Какие волосы, святая мадонна! Она б вам очень понравилась, клянусь небом!

Он мог часами говорить о своей Чезарине и о ребенке. Он их любил со всей страстью и нежностью и был очень удивлен, когда кто-то ему сказал, что для любящего мужа он слишком часто подмигивает посторонним девушкам. Самым искренним образом он был удивлен. Одно другому совершенно не мешает! Он любит свою жену, любит своего ребенка – и это действительно было так, – но почему он не может погулять с красивой девушкой? Он этого не понимает.

Он вообще многого не понимал. В нем мирно уживались яркая, брызжущая, всесторонняя талантливость с поразительной, удивляющей некультурностью. Когда я говорю талантливость, я подразумеваю не какие-то определенные способности в какой-то определенной области – как бывает талантливый художник или певец, – я говорю о другом таланте, о таланте жить. Есть и такой, и именно им обладал Джулиано. Для него, как и для всякого другого, жизнь была цепью событий и людей, с которыми приходится сталкиваться. Но если для некоторых эти события и люди являются чем-то идущим рядом, с чем встречаешься, так сказать, помимо твоей воли, то для Джулиано и то и другое было воздухом, без которого он не мог жить. Он был поразительно неравнодушным человеком. Его буквально все интересовало. И устройство немецкого взрывателя, и местность, по которой мы идем, и хозяин, у которого мы остановились, – чем он занимается и с чего живет, – и конечная цель задания, которое мы должны выполнить, и правда ли, что Муссолини был когда-то простым рабочим, почему же он такой сволочью стал? Во всем ему хотелось

разобраться и во всем по возможности принимать участие. Я не помню почти ни одного ответственного задания, на которое не просился бы Джулиано, и я со спокойной совестью послал бы его на любое, но тут железной стеной вставал замполит Антонов. Он был человек дотошный, знал все законы ведения войны, а по ним, утвержденным на какой-то там Гаагской конференции, использовать военнопленных в качестве военной силы не разрешалось. Что поделаешь, так и не дали мы ему в руки винтовку.

— Нечего тебе, Данька, — смеялся Антонов, — ты человек религиозный, веришь в бога, в Иисуса Христа, а он людей не велит убивать. Так или не так?

Тут Джулиано смущался. Религия — единственное, в чем мы не могли его переубедить. Я знал, что в подавляющем большинстве своем итальянцы очень религиозны, но никогда не думал, что до такой степени, что вера в силу религиозных обрядов и суеверие так тесно переплелись между собой. Джулиано, например, довольно безразлично относился к бомбежкам и прочим ужасам войны, но до смерти боялся грома и молнии.

Я помню одну грозу. Это была роскошная майская гроза, с бурными потоками воды, с наступившей сразу темнотой, не прекращающимся ни на секунду грохотом и ветвистыми, в полнеба молниями. Это была первая весенняя гроза, и все ей радовались и долго, как дети, бегали потом босиком по лужам. Джулиано всю грозу пролежал, свернувшись комком и обхватив голову руками, а когда гроза прошла, бледный и испуганный, вздрагивал от каждого доносившегося уже издалека удара и целовал висевший у него на шее на серебряной цепочке образок.

Он боялся понедельников и пятниц, чисел «семь» и «тринадцать», кошек, попов, но более всего «джетаторэ». «Джетаторэ» — это человек с недобрым глазом. Сам по себе этот человек может быть и неплохим, но все связанное с ним приносит несчастье, поэтому его надо остерегаться. Таким «джетаторэ» у нас в батальоне, по мнению Джулиано, был Руднев — тихий, скромный и очень добрый боец первой роты. Руднев очень любил животных, в деревнях всегда был окружен кошками и собаками, которых кормил, подбирал каких-то птенцов, разговаривал о чем-то с лошадьми, а как-то во время мирта чуть ли не целую неделю нес на руках новорожденного козленка, пока тот не издох без молока. И вот этого-то тихого и ласкового Руднева Джулиано боялся, как огня, считая его «джетаторэ». Не спал с ним под одной крышей, не ел из одного котелка, не курил его махорки и не давал ему своей, и уж, конечно, никогда не пошел бы с ним на одно задание.

Не зная еще об этом, я назначил их обоих как-то в одну группу по заготовке леса. Джулиано пришел ко мне взволнованный и сказал:

— Я не могу с ним идти, синьор капитано.

— Почему?

— Он «джетаторэ».

Я спросил, что это значит. Он объяснил.

— Но почему ты решил, что именно он?

— Это я не могу объяснить. Это нельзя объяснить.

Но он «джетаторэ», я это знаю. Я не могу с ним идти. Я не вернусь. Я это знаю.

Он был бледен, как всегда, когда волновался, и я понял, что посылать его нельзя. Я отправил его с другой группой.

Вот таким был Джулиано Сальваторе Кроччи, неаполитанский рыбак, бывший рядовой 113-го пехотного полка дивизии «Литторио», позднее боец 2-й роты Н-ского саперного батальона Даниил Сильверстович Кудрявцев, а в просторечии просто Данька.

Но настал день, которого никто не ждал. Яркий, солнечный июньский день. Мы стояли в Лушуве, под Люблином. В этот день было много писем. Бойцы, растянувшись под яблонями помещичьего сада, строчили ответы. Я писем не получил. Получил только пакет из штадива.

Из конверта выпала аккуратно сложенная бумажка. Бумажка четкими фиолетовыми буквами предлагала мне «немедленно доставить в штадив военнопленного итальянца рядового Д. С. Кроччи, о сдаче в плен которого сообщалось в донесении от такого-то апреля с.г. ПНШ Сенявин».

Через три месяца… Опомнился Сенявин!

Второй раз в жизни я видел нашего Даньку плачущим. Он стоял, руки по швам, пилотка набекрень, в вычищенных до блеска хромовых своих сапожках и повторял только одно:

— Зачем? Что я сделал? Зачем? Я Кудрявцев, я не пленный, я боец Кудрявцев… Зачем так?

Рядом стояли бойцы. Совсем как тогда, под Одессой, но никто теперь не смеялся. На Васю Веточкина больно было смотреть… Когда же Данька подошел ко мне и протянул сбои погоны — аккуратные, с вделанным внутрь целлулоидом погоны — и звездочку с пилотки, я почувствовал, что в горле у меня что-то заскребло…

Прошел год с небольшим. Война кончилась. Я ехал из Праги в Киев. В Катовице мы долго стояли: что-то случилось с паровозом. Станция забита была эшелонами. Я слонялся по путям, боясь выйти в город и отстать от поезда. И вдруг откуда-то:

— Синьор капитано! Синьор капитане!

Я вздрогнул и обернулся. Мимо, постепенно убыстряя ход, шел эшелон. Среди черных голов в раскрытых дверях теплушки я увидел Даньку. Небритого, обросшего, неистово машущего рукой.

— Синьор капитано! Домой, домой, Наполи…

Он что-то еще кричал, приглашая, вероятно, в гости, и я, кажется, тоже кричал, но мимо мелькали уже другие вагоны, другие лица… Последний вагон, часовой с винтовкой… Все.

* * *

Играет джаз. Официант приносит еще одну бутылку вина — пузатую, оплетенную соломой. Разливает.

— Чин-чин, — говорят мои спутники.

— Чин-чин, — говорю я и пью за здоровье Джулиано, за своего бойца, которому я привез из далекой России бутылку водки. Она сейчас в гостинице на окне. Пусть стоит, черт с ней. Мы с тобой еще разопьем, Джульянчик, не эту, так другую. Мы еще встретимся. Я верю в это. И ты тоже. Правда? Чао, Джульянчик!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://nekrasovvictor.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!